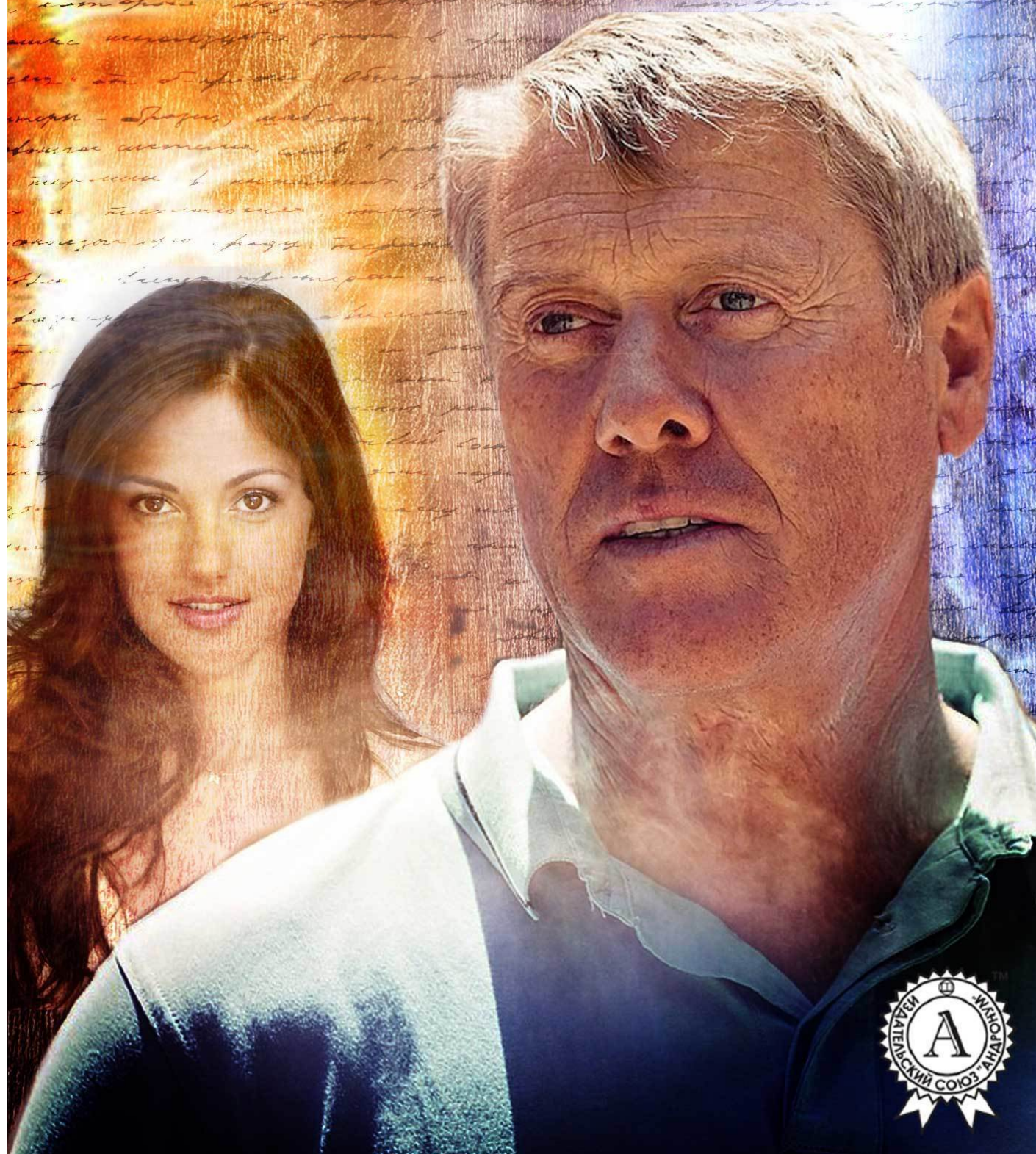

Валерий Кожушнян

ЗАПИСКИ ПРОХОЖЕГО

Валерий Кожушнян

Записки прохожего

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Кожушнян В.

Записки прохожего / В. Кожушнян — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

С годами чувства влюбленности, а тем более любви, воспринимаются острее и болезненнее. Поздняя любовь - это как наваждение, как последний подарок судьбы, как последний журавль в небе, улетевшего вперёд каравана. Её утрата - это страдания, исполосованной острым кинжалом разлуки, души. Такие страдания могут затмевать всю твою маленькую вселенную, приводить к полному или частичному упадку жизненных сил.

© Кожушнян В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валерий Кожушнян
Записки прохожего
роман в капсулах, письмах, монологах,
откровениях, снах и видениях

*«В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне весёлой рукой»...*

С.Есенин.

Глава первая

Неотправленное письмо

Ранним утром пошёл снег, неожиданный в эту пору для южных широт.

В ноябре или декабре понятно, но в середине октября?! Какой-то климатический казус. Природа будто устала от налаженного ею же из века в век порядка, уронила вожжи, впав в усталую дремоту. Тут же минутной слабостью матушки воспользовался вездесущий хаос. Наслал, невесть, из каких пределов пронизывающе холодного, порывистого, дерзкого норда и вечных своих спутников – угрюмых туч. Небесные странники сгрудились над беспечно-весёлой местностью. Ветви деревьев и кустарников, ещё густо охваченные зеленой листвой, уверенно тянулись к небу, не подозревая о зимней беде. Ближе к утру ветер окончательно уgomонился, тучи замедлили свое движение, а затем и вовсе застыли над городом, не в силах тащить далее свою зимнюю поклажу. Из множества прорех на землю стал валить снежный пух. Он падал плавно, крупными хлопьями и с тем плотным тихим шелестом, от которого, говорят, немеют радары и прочая чуткая техника.

Анатолий Сергеевич поднялся затемно, ощущая в голове лёгкий шум и тяжесть в груди. Из головы не выходил странный сон, который после пробуждения пошёл стремительно истаявать льдинками на стекле, оставляя лишь в памяти какие-то обрывки и едва уловимые образы. В душе нарастали тягостные и неясные чувства невосполнимой утраты...

– «Земную жизнь, пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу...», – вслух ли, про себя ли, произнес он в сомнении. И сразу почувствовал чьи-то взгляды на себе. Ему стало неудобно...

Только не в лесу оказался, а в каком-то помещении, напоминающий длинный и мрачный коридор с бесконечной перспективой...

– Кто тута? – незнакомый хриплый голос с явным молдавским акцентом спросил в рассеянный сумрак. Судя по голосу, вновь прибывший, был сильно напуган.

– Кого надо? – отозвался некто толстым голосом.

– Мы шо, у подвале? – не унимался первый голос.

– В заднице у чёрта... – усмешливо продолжил диалог второй голос.

– Парни, прекратите пугать человека, – урезонил третий голос. – Объясните толком новичку – мы на допросе...

– Какой на хрен допрос, – вступил в разговор ещё один голос. Судя по ноткам, обладатель низкого тембра явно числился в командирах. – Собеседование называется. Сказали же нам по прибытию... Здесь, скорее всего, подземная какая-то контора. Скоро узнаем – на кой хрен мы им сдались...

– Мэй, хлопци, дапы мене у расположении надо. Узнают, шо я утёк, семью арестуют. А долго тута будут тремать?

– Задолбал этот перебежчик...

– Мэй, хлопци, дапы я, этот, парламентёр а фост (был – молд.)...

– Да объясните этому парламентёру, наконец, что сами ни фюя не знаем... Покою ведь не даст... – подал голос другой обитатель коридора.

– Слушай сюда, лодочник! – начал объяснение обладатель командирского голоса. – Ты попал ...

– А с откудова вы знаете, шо я на лодке был?

– Да мы отсюда всё видели, – встрял насмешливый голос. – Хорошо тебя долбануло, прямо в серёточку...

– ... на пункт сортировки, – выждав паузу, продолжил командир. – Через пару минут всё узнаешь. Выйдет Распределитель и растасует всех по камерам...

– А шо тут – тюрьма? Дапы отсюда как видеть можно? – кидал испуганно вопросы в пространство Лодочник, подслеповато всматриваясь в коридорный сумрак.

Ему никто не ответил. Повисла не тягостная всеобщая пауза, будто все присутствующие одновременно погрузились в свои мысли.

Тем временем в коридоре сумрак стал бледнеть, наполняясь мягким зыбким светом, и Он увидел всех персонажей этого странного помещения – их было четверо. Обратил внимание – трое в военных камуфляжах. Вновь прибывший, чёрт знает, в какой форме – дедовский китель, брюки колхозного покроя и в кедах. И только Он был в летней гражданской одежонке.

Бестолковый гражданин в кителе, получивший от вояк кличку «Лодочник», суетливо топтался у стены, двое сидели на низкой лавке, четвёртый прямо на полу. Он помимо воли стал пристально разглядывать своих соседей. У сидящего на полу бойца не было ног. Выделялись оборванные до колен пустые с бахромой штанины. Ни одного пятнышка крови не было видно, однако лицо безногого ничего не выражало. Весь облик и характерные черты славянского лица, сидящего на полу человека, ему показались знакомыми. Он просто не мог вспомнить – где и когда его видел? У всех к тому времени, Он понял, уже имелись клички. Этот – Безногий, другой – с командирским голосом – Обожжжённый. Сидящие на лавке, были неестественно черны лицами, у одного из них зияла большая дыра в середине груди. К нему обращались «Дырявый». Странно как-то все они выглядели. Лодочник с пустым рукавом и рваной раной в области живота. «Прямо морг с говорящими трупами», – мелькнуло у Него в сознании.

– Пацаны! Надо кое-что прояснить нашему Поэту, – кивнул на Него Дырявый. – Видите, он весь в непонятках...

«Вот и мне уже припишена кличка, – мелькнуло без особых эмоций. – Здесь, наверное, так надо».

– Валяй! Ты у нас птица-говорун, – приказал Обожжжённый.

– Да ладно, Савельич! Не гони!

– Давай, давай – не кобенься...

– Слушай сюда, Поэт. Полчаса назад ты проходил мимо нашего обгоревшего БэТэРа, что стоит перед автомобильным мостом, так? Он согласно кивнул, мол, было дело. Это наша коробочка и одновременно братская могила. Сука румынская ловко нас подстерегла. Шарахнул с гранатомёта почти в упор. Не заметили, гада. Теперь вот сутки маемся в этом коридоре... Вон, тот, без ног который, сибиряк. Да какой он хер сибиряк? Наши, Бендерский, приехал оттуда... Рванул за бабой в Сибирь. Влюбился, она у нас прошлым летом отдыхала. Так вот, пока он там лес рубил да любимую свою искал, у него дочь нацики изнасиловали в Кишиневе. Потом, когда началась у нас бойня, тещу накрыло миной в огороде, а жена без вести пропала. Вот он и рванул обратно в Бендеры. Ух, и злой до опоновцев был... Покосил их из пулемёта с батальон, не меньше. Наши командор – из российской

армии, хотя он тоже из местных. Ну, а я водила нашей машины боевой, тоже местный. Тренер по гребле...

«Мы здесь, оказывается, все погибли! Значит и меня?..» – почти равнодушно отметил Он.

– Этот, за тобой прибывший, ты уже понял, – Лодочник. С ним вообще хохма вышла. Рассказать? – повернул голову в сторону четвёртого персонажа Дырявый.

Молдаванин махнул целой рукой, мол, бреши дальше.

– Так вот. Стояли наши ополченцы в районе Кочиер. Почти километр с гаком выше плотины Дубоссарской. Мы наблюдали на этой стене, – указывает на противоположную сторону, – как в телевизоре: и картинка и звук... Такого кина я в жизни не видел. Вроде, ты из тех мест родом? Там наши пацаны оборону держали, многие тренеры из базы гребной. Мои кореша. Тяжёлый участок. Так вот, случилось как-то утреннее затишье на их позициях. Немного расслабились, но наблюдатели зырили чётко. Вдруг докладывают своему командору, мол, в нашу сторону движется гребная лодка с белым флагом на носу. Кинулись к биноклям. Этот, – кивает на стоящего у стены, – гребёт. Видно, лодка гружёная, тяжело шла. Подняли и наши белую тряпку в знак того, что заметили парламентёра. Короче. Причаливает минут через двадцать этот фрукт к нашим и первым делом спрашивает: «У вас, хлопцы, снайпер есть?» Наши мужики в удивлении задают вопрос: «Зачем?» «Надо, – говорит, – румын-инструкторов кончать, двое их. Мэй, такие они пидарасы! Сильно злые. Воют нашими руками... Из-за них стоко сельских поубивало, шо хоронить не успеваем... Убейте их, га?! (Дырявый смешно передразнивает Лодочника). Тут наши парни прислали вам продукты и выпивку».

Ну, значит, кинулись мужики разгружать. Солидные, доложу я вам, припасы прислали и пошла всякого прилично. Надо заметить, наши уже три дня на чисто сухом пайке перебивались. За такое подношение можно ещё троих завалить в нагрузку. Понятное дело, согласились! Командор призвал двух снайперов, приставил им Лодочника, чтоб показал конкретно инструкторов румынских. Тот их мухой вычислил. Молодец! Запомнил их рожки. Парни уже было взялись за припасы, чтоб обмыть, значит, успех, а Лодочник говорит, что надо, мол, минут десять подождать. Хлопцы его должны знак подать с того берега белой тряпкой – что всё в ажуре. Это в метрах ста ниже позиций, вдоль берега кусты, где засели его кореша. Смотрят внимательно в бинокли. Минут через пять машут – всё! Работа сделана! Наш парламентёр на радостях танец «Сырбу» запалил. Сели парни вокруг и давай гужеваться. Лодочник через полчаса к родне запросился в Кочиеры. Объяснил, что обещал пацанам вина и самогона привезти, чтоб и там веселье случилось. В смысле, поминки по румынам... Отпустили. Обещал к вечеру вернуться, пусть они, значит, помогут ему отправиться на свой берег. Так и сделали. Вернулся Лодочник – зюзя зюзей. Твою мать... Как его отправлять? Посоветовали рано утром двинуться. А он – ни в какую, мол, пацаны ждут. Вылили ему на голову ведро воды, дали понохать нашатыря, кое-как привели в чувства и предупредили плыть на кусты, где его кореша дожидаются. Всё бы хорошо, но чёрт его дёрнул затеять песню. Видать, распирало от счастья. Где-то на середине реки, слышим знакомую мелодию и слова: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»... и так далее. Ну, не идиот! И

где он только слова выучил? Спой что-нибудь молдавское... Нет, душа героики захотела. Получи, пацан, по полной! Кому надо, услышали русскую песню, хоть и с молдавским акцентом. По воде вечерней звук далеко разносится. Там, кроме местных резервистов, полно опоновцев было. Кто такую песню может петь? Конечно, сепаратист! Тем более что этот придурок ещё и с курса сбился. Прёт на всех парах прямо к своим позициям. Вдруг раздалась короткая очередь пулемёта с того берега. Ну, наш снайпер на чеку был. Быстро угомонил стрелка. А этот парламентёр ни хрена не слышит и не понимает. Орёт «Варяга» во всё горло. Тут и просвистела мина, аккуратненько так, в самую середину лодочки. Меткие оказались, сволочи. На этом песня и кончилась...

В коридоре воцарилась на миг тишина. В стене напротив неожиданно засветилось пятно, словно кто-то неведомый ожидал конца истории. Через пару секунд стала вырисовываться на этом месте дверь. Через мгновение она отворилась, и оттуда вышел Некто в белом мерцающем одеянии. Раздался сильный голос, никак не соизмеримый по силе звука, облику и росту. Это был Распределитель. Он указал пальцем на Поэта и сказал: «Тебе в другую дверь. Не твоё время...» Затем всё исчезло, и наплыва темь...

Анатолий Сергеевич встряхнул головой, будто остатки сна-видения сбросил, прошёл на кухню, включил свет, поставил на газовую плиту чайник, приготовил чашку, пакетик чая, два кубика сахара и собрался, было, направиться в ванную. Но что-то остановило его. Он отдёргнул штору и взглянул в окно. Свет плафона мешал разглядеть улицу, и он поспешил к выключателю. Снова приник к окну. Сначала он ничего не понял и беспомощно оглянулся в кухонное пространство, слабо освещаемое газовой конфоркой. За окном совершалось таинство преобразования. «Господи, снег!» – окончательно проснулся Анатолий Сергеевич. Он опустился на табурет и стал растерян и вместе с тем жадно наблюдать за снегопадом. «С чего это вдруг?» – спросил он себя, и, не найдя ответа, уткнулся лбом в холодное стекло. За окном, будто невидимый сказочный маляр заштриховывал уличное пространство, всё меньше оставалось тёмных пятен. Торжествующая белизна высветила утреннюю мутную темень. Улица заметно теряла свои очертания. Один за другим вспыхивали огни окон в соседних домах, рябые и нечёткие от белых густых штрихов. Снег падал, и ни один звук не нарушал этого величественного паренья.

– Чудны дела твои, Господи! – громким шёпотом произнес Анатолий Сергеевич. – Да и чего ждать от природы, если кругом бардак творится...

– он не закончил монолога, зябко передёрнул плечами и застыл, глядя в окно.

Там, на пустых улицах, снегопад стал гуще и ещё более захватывал своим немым действием. Красиво, чёрт возьми! Падающий снег завораживает, и Анатолий Сергеевич всё не мог оторвать взгляда от парящих снежинок. Так бы вечность смотрел. Отвлёк зашумевший чайник. Анатолий Сергеевич вздохнул обречённо, сожалея о разрушенном очаровании посторонним звуком, поднялся, запахнул старенький халат и взялся налаживать нехитрый завтрак.

Проживал он один в двухкомнатной квартире с улучшенной планировкой в пятиэтажном доме, построенном на излёте советской эпохи. Мебель и вся квартирная обстановка состояли из позднего достижения молдавско-советских мебельщиков. Сборная стенка с набором праздничной посуды и стекла, диваны, деревянные кровати, кресла, столы и столики, настенные ковры и паласы для пола, а также кухонная утварь и убранство имели ещё довольно свежий вид. Всё это они прикупили с женой сразу после возвращения из далёкого Севера. В обновлённой квартире им удалось прожить всего несколько лет. Позже родню разбросало по белу свету. Время нынче такое: на отчей земле негде приткнуться человеку, чтобы достойно век коротать. Да чего уж там, хотя бы сносно. Жена, бывшая учительница истории, в дальнем зарубежье (Италии) вместе с подругой устроилась на хлебное место служанкой в богатом доме, деньги

зарабатывает. Сын со своим семейством укатил обратно в Сибирь. Считай, тоже уже за граница. Только Анатолий Сергеевич со своей, как оказалось, не очень востребованной специальностью архивиста, остался здесь, на юго-западном островке бывшего могучего государства, в качестве хранителя семейного очага. Да и теплился ли этот очаг? Он в это почти уже не верил, и потому перестал огорчаться. Переболело, перегорело и отдалилось прошлое. Часто на память ему приходили некоторые стихи М.Лермонтова, которого он открыл для себя гораздо позже своих сверстников. Вот и в эти минуты безмолвного снегопада всплыли неожиданно строки:

*«Любить... но кого же?... на время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...»*

Помнил, как поразили тогда эти стихи, в сущности, ещё юного человека. Лермонтов был моложе его тогдашнего чуть ли не вдвое. Но какая глубина! Какая потрясающая искренность и понимание человеческой судьбы! А если вникнуть ещё глубже – бесстрашное порицание самого мирового устройства! Как сегодня стали близки ему мысли поэта! В себя он заглядывал все реже, ибо ощущал лишь неразгаданную пугающую тоску.

Со своими родными встречался архивист сначала раз в год, по приезду их в отпуск, а позже и того реже. Дом для родни стал как бы ещё одной промежуточной станцией на пути к Черному морю и разным зарубежным курортам.

Работу свою Анатолий Сергеевич не любил и не только из-за невнятных экономических мотивов. Просто копаться в архиве – не его дело. Он слыл когда-то неплохим журналистом, но когда это было? – вспоминалось не всегда ясно, все детали размылись в пространстве и времени. То ли сказались осложнения после травмы головы, то ли уже стали проступать возрастные немощи – он конкретно так и не узнал от лечащих его врачей...

В молодости Анатолий любил движение, поиск, встречи, которые сулили неожиданные открытия удивительных природных красот страны от Карпат до Урала и Сибири и даже до сопот Дальнего Востока, встречи с яркими, неординарными людьми. А вот ближе к среднему возрасту, его будто подменили. Медики в данном случае связывают такое состояние человека с наступлением возрастного кризиса. Анатолий Сергеевич к таким доводам мало прислушивался и объяснял самому себе проще – усталостью от бурных конца восьмидесятых и начала девяностых. Что сулили дальнейшие годы, он понял – предугадывать не было смысла. В семье он чувствовал себя всё более отчужденно, заметно иссякли родственное тепло и душевная близость. И так само собой получилось, что спустя несколько лет он остался в доме один.

Служил Анатолий Сергеевич в архивном ведомстве, не проявляя излишнего рвения, но и не пускаясь во все тяжкие. Всё равно ехать куда-либо и снова обустроить своё семейное гнездо ему давно расхотелось, да и годы уже не те, не за горами маячила пенсия. А потом пришла простая и спасительная мысль: кому-то надо оставаться и на родной земле, иначе терялся смысл такого всеобъемлющего и глубокого понятия как Отечество. Об этом он не распространялся. Держал глубоко в себе свои чувства и мысли. В общих беседах, которые случались в их отделе, нередко возникали разговоры и на тему малой и большой родины, общего государства, которого вдруг не стало, и на другие высокие материи. Здесь он чаще всего отмалчивался. Глубоко личная для него была эта тема...

Копался потихоньку в своём архивном секторе, и довольно быстро увлёкся поисками и открытиями, как выражался шеф, «неизвестных исторических и культурологических страниц родного края». Известных оказалось не так уж и мало. С недавних пор нагрузка лично на Анатолия Сергеевича удвоилась, уволился один из сотрудников. Вот так собрался за неделю

и уехал к большой неожиданности коллег архива. Принимать нового сотрудника ведомство не торопилось.

Через час Анатолий Сергеевич брёл на службу в осенней кургузой куртке и в молодежной бейсболке, оставленной ему сыном, узнавая и не узнавая привычные городские пейзажи. Деревья стояли в белых папах и выглядели величественно и горделиво, напоминая подгулявших мукомолов, вкривь и вкось распластались вдоль тротуара оснеженные кусты. Воздух был свеж и прозрачен, пронизанный тонким ароматом созревших арбузов. Странно и непривычно выглядела округа, но Анатолий Сергеевич чуть запаздывал, не имея времени любоваться зимними картинками. Однако с удовольствием вдыхал остуженные острые запахи утреннего города. Голова не болела, и весь организм наполнялся бодростью. Состояние как раз, кстати, сегодня надо было разобрать скопившийся ворох архивных бумаг, сделать запросы в городские и республиканские организации по поводу предоставления архиву всевозможных справок и документов.

После развала Союза отдельные его части, большие и малые, спешно налаживали и приводили в порядок свою историю и государственные институты. Кроме своих дел – поиска документальных свидетельств по истории края, Анатолию Сергеевичу необходимо было и чужие дела подтягивать. В связи с уходом молчаливого коллеги Анатолию Сергеевичу достались для обработки и литературные архивы. Свои литераторы, которые и здесь имелись в небольшом количестве, ещё не доросли до высокого звания классиков, если не считать нескольких приезжих авторов, имевших уже имя, надолго осевших в приднестровском крае. Однако серьезных, признанных современных писателей, ни в городе, ни в округе пока не обнаружили. Мимолётно заезжающие корифеи пера союзного значения, конечно, оставляли литературный след, но бледный и неясный для знатоков, что уж говорить о массовом читателе. Однако порядок есть порядок. Необходимо классифицировать имеющиеся исторические и литературные произведения в виде научных исследований, статей, коллективных художественных сборников и брошюр, публикаций в местных газетах, и даже, при удачных поисках, некоторые неопубликованные рукописи, дать оценку их значимости для края. Все эти вещественные доказательства культурного слоя требовалось разыскать, заактировать, то есть присвоить номер фонда, описи и дела, прошить и, таким образом, включить в состав республиканского архива, ибо собственного, отдельно выделенного, литературного фонда ещё не было создано.

К своему нынешнему аморфному состоянию Анатолий Сергеевич привык, как привыкают к хроническому недугу. Действовал он по принципу: поспешай медленно. Одиночество совершает над человеком удивительные вещи – тихо и незаметно немеют душа и чувства. Замкнутая жизнь прессует личность неспешно, зато надёжно и также основательно, как застывающий бетон. Менять свою нынешнюю жизнь Анатолий Сергеевич не имел ни сил, ни желания, а главное – смысла.

Вот уже битый час он безуспешно рылся в чужом письменном столе, отыскивая тощую папку с перечнем имён и публикаций местных малоизвестных авторов. Видел же её собственными глазами, а вот куда подевалась, он, по выражению своих дальних российских родственников, ладу не мог дать. Неужели этот угрюмый коллега прихватил её с собой? Литератор непризнанный, мать его за ногу... Он неизвестно отчего разозлился не на шутку. Заодно и на некоторых местных пиитов. Раздражало, что в своей поэтической и языковой раскованности, стихотворцы местного разлива доходили до полного абсурда. Вспомнилось из учебников: в двадцатых годах нынешнего столетия в молодой стране Советов также бурлили всевозможные течения в поисках новизны, за гранью смысла – яростное отрицание культуры старого мира, беспощадное перемалывание устоявшихся норм языка и литературных форм. Всё в жизни повторяется, но уже в виде фарса. Вдобавок Анатолий Сергеевич испытывал глухое недовольство и по поводу запущенных дел, оставленных ему в наследство Григорием Ива-

новичем. Слышал Анатолий Сергеевич, что тот подался в Москву якобы за литературной славой. Ну и флаг ему в руки.

«Должна ведь быть эта папка, видел её собственными глазами, – мытарил себя Анатолий Сергеевич. – Ну и пылищу развел товарищ...» Анатолий Сергеевич чихнул, чертыхнулся, обтёрся носовым платком и собрался пойти на перекур, чтобы чуть остыть и унять раздражение, но в последний момент решил ещё раз проверить выдвижной нижний ящик письменного стола. В сердцах дернул за скобу, но ящик не поддался. Вероятно, плотно был забит бумагами. «Какой чувшью я занимаюсь, – устало подумал Анатолий Сергеевич. Он вдруг почувствовал себя разбитым. – Кому нужна эта макулатура? Труха бумажная...» Он разогнулся и пнул в сердцах по ящичку. От удара ящик провис и на пол вывалились запылённые папки. Несколько секунд Анатолий Сергеевич смотрел на сотворенное им же самим безобразие и со вздохом нагнулся за папками.

– Анатолий Сергеевич, с кем вы там воюете? Мышь, что ли, гоняете? – поинтересовался из своего начальственного угла весёлым тоном заведомо Владимир Петрович.

– С литературой, чёрт бы её забрал совсем, – глухо из-под стола отозвался Анатолий Сергеевич.

– С литературой?! Грешно вам, батенька, измываться над трудами соотечественников, – поддал весёлости заведомо.

Ух, как терпеть не мог Анатолий Сергеевич эти его, скопированные с вождя мирового пролетариата словечки, которыми любил к месту и не к месту пересыпать свою речь Владимир Петрович, а тем более насмешливый, на грани язвительности тон. Особенно его утреннее, почти обрядовое, приветствие коллегам, произносимое шефом нарочито на ужасном английском: «Ху изепсен ту дэй!» Интонации, с которыми произносил шеф эту фразу, наводили на мысль об уличном ругательстве.

– Да ничего с нею не сделается. Эти рукописи не горят, не тонут и не гниют, – вяло откликнулся Анатолий Сергеевич, не имея ни малейшего желания вступать в дискуссию со своим начальником.

– Я вам советую присоединиться к нашим дамам. Они там без вас явно скучают. Курите на здоровье, пока не уляжется пыль в нашем отделе, – гаерно заключил Владимир Петрович.

«Вечно со своими прибабасами, – вспомнил Анатолий Сергеевич студенческое словечко, которое они нередко употребляли в отношении московских пижонов. – Позёр плешивый. Решил – умнее всех в отделе. Кандидат кухонных наук». Он не то, чтобы не любил своего шефа, просто мало уважал. Историю КПСС, а тем более научный коммунизм, Анатолий Сергеевич вообще не считал за науку. Правда, в вузе он изучал эти труды. Куда денешься? Время было такое. А заведомо когда-то защитил диссертацию на кандидата по этому направлению. Тем временем грянули перемены, и кандидат наук такого профиля перестал быть востребованным. Только лишь благодаря ловким сокурсникам обрёл Владимир Петрович место заведомо республиканского архива.

Анатолий Сергеевич старался в отношениях со своим начальником держаться независимо и, насколько позволяло положение рядового сотрудника, снисходительно. Но это не всегда удавалось. Уж слишком чувствовал себя шеф уверенно и непогрешимо – начальник! Анатолий Сергеевич разогнулся, прихватил наугад несколько тощих папок. Посмотрел на своего руководителя, как ему показалось, внимательно и строго, и послушно направился к выходу.

– Ценю ваше трудовое рвение, но зачем уж так-то, – кивнул заведомо на папки в руках Анатолия Сергеевича.

– Взгляну между делом, – поспешил выйти Анатолий Сергеевич.

– Ну-ну, – весело блеснул модными очками Владимир Петрович. Последнее слово всегда оставалось за ним.

В коридоре Анатолия Сергеевича встретил взрыв хохота. Он даже на секунду приостановился. Девушки стояли кружком, скрывая в центре миловидную, небольшого роста, рассказчицу. Она жестикулировала и что-то весело тараторила. «Опять Женя свежий анекдот рассказывает подругам, – догадался Анатолий Сергеевич. – И откуда она их только выуживает?». Ему нравилась эта хрупкая, изящная девушка с пышной гривой мелко завитых медно-рыжих волос. Возможно, крашенных. От неё исходили флюиды доброжелательности и легкой весёлости. Она нередко помогала ему разбираться в тонкостях архивного дела. В совместной работе сблизились, иногда беседуя на отвлеченные темы. Непосредственность, острый ум, юмор очень импонировали Анатолию Сергеевичу. С ней он себя чувствовал раскованно и легко.

– Сергеич, огоньку? – заметила Женя Анатолия Сергеевича. Она щёлкнула газовой зажигалкой. Он прикурил, и устало прислонился к стене.

– Ой, вы какой-то не в себе. А это ещё что такое? – Женя потянулась к папкам.

Анатолий Сергеевич инстинктивно дёрнулся, но тут же конфузливо протянул своей любимице одну из тощеньких папок. Он сам толком не мог уяснить себе, зачем прихватил их с собой. Смотреть здесь, в коридоре, бумаги он не собирался.

– Ещё не смотрел толком...

– Вечно вы, Сергеич, скромничаете, – Женечка проворно выхватила из рук архивиста бумаги. Сотрудники тут же приникли к ней.

– Аккуратней, девочки, все же документы, – ревниво заметил Анатолий Сергеевич.

«И чего это они сегодня такие взбудораженные? Снег что ли, тому причина? – стал размышлять Анатолий Сергеевич. – К полудню он всё равно растает. Будут лужи и грязь... Да чего я к ним придираюсь, у людей просто хорошее настроение. Молодые силы бурлят».

– Ой, какая прелесть! – воскликнула Женечка. – Где это вы раскопали?

– Да всё там же.

– Вы просто гений архива. Только послушайте, – и Женечка стала читать. Её грудной, глубокий, с переливами голос завораживал Анатолия Сергеевича. Ему в эти минуты всегда становилось беспокойно и одновременно радостно. Он не вслушивался в смысл читаемого текста, он с нарастающим волнением воспринимал интонации её голоса. На мгновение Анатолий Сергеевич потерял ощущение времени, очнулся от вопроса, который явно адресовался ему.

– Вы слышите, Сергеич? Это же такая прелесть! Кто писал эти вещи? По-моему, вы нашли что-то стоящее! – Женечка торжествующе подняла большой палец.

– О чём это вы? – услышал свой осевший голос Анатолий Сергеевич.

– Вы точно не от мира сего? Я уже целых пять минут читаю это письмо, а он и глазом не моргнёт, – Женечка обиженно поджала свои пухлые губки.

Анатолий Сергеевич кашлянул, загасил окурочку и потянулся к пожелтевшим листкам.

– Нет-нет, мы с девочками дочитаем. Вы ещё успеете. – Женечка увернулась от руки Анатолия Сергеевича.

– Ладно, я действительно успею. Развлекайтесь. У меня ещё много работы, – он вернулся в архивный зал, который на самом деле представлял собой большую мало ухоженную казенную комнату, уставленную письменными столами и стеллажами для папок, скоросшивателей и прочих картонно-бумажных носителей информации. Даже шторы на окнах, казалось, были скроены из бумаги.

Остаток рабочего дня Анатолий Сергеевич провёл в каком-то странном оцепенении. Он вяло отвечал на вопросы сотрудников и почти не участвовал в общем разговоре, временами вспыхивающий в течение дня. Какая-то смутная мысль блуждала в сознании, ввергая сердце в тревожное и вместе с тем сладостное томление. Отчего бы вдруг? Через некоторое время Анатолий Сергеевич понял, что виной всему письмо, которое вслух читала своим подругам Женечка. Она как-то странно посматривала на Анатолия Сергеевича, а он, перехватывая взгляд молодой женщины, поспешно опускал голову, боясь услышать вопросы с её стороны.

Какие? Он и сам не знал. Две папки, которые он случайно выдернул из нижнего ящика, лежали на краю стола, и ему хотелось открыть именно ту, где хранилось это странное письмо. Во второй находились вырезки из местных газет. Но он подавлял свои желания, предвкушая наслаждение от узнавания таинственного послания к не менее таинственной женщине. Как и откуда оно попало в эту папку? Кем и кому написано? Эти вопросы буквально доводили до кипения любопытство Анатолия Сергеевича. Сие означало одно – в нём стал просыпаться профессионал. Он изо всех сил крепился, и нарочито занялся другими бумагами, изредка улавливая взгляды Женечки. Боже, как же она хороша! Он прекрасно понимал, шансов у него никаких не было. И также сердцем воспринимал: красноречивые взгляды девушки связаны не только с содержимым этой злополучной папки, но и чисто женским интересом к нему. Интуитивно ощутив верность догадки, Анатолий Сергеевич тут же поспешил её загасить. «Сегодня всякая чушь лезет в голову», – пристыдил мысленно себя архивист.

Вечером он нашёл в себе силы соорудить нехитрый ужин, а уж затем принялся за бумаги. Содержимое папки разложил на журнальном столике, налил чашку чая и принялся за чтение. Письмо с первых строк не то, чтобы захватило, но по мере чтения всё более его заинтересовывало.

«И в женщине, изменой обожжённой, Есть горя знак, немой пустыни знак».

В. Сорокин.

Я Вас приветствую, сударыня! Вы – ещё один печальный итог моего бытия. Так не хочется начинать своё послание с грустных признаний, но факты – упрямая вещь. Попробую объяснить. Хотя законы эпистолярного жанра предполагают иные приёмы и зачины обращений к адресату, но я так брезглив к устоявшимся нормам и канонам, что не достаёт сил даже на оправдания. И это не выкрутасы, а суть моей натуры. Но зачем это я Вам объясняю? Чтобы выглядеть лучше, чем я есть на самом деле? Вы и так знаете некоторые достоинства и нелестные свойства моего характера. Согласитесь, было бы глупо ожидать от меня реверансов и изящных оправданий по поводу бестактного поведения по отношению к Вам. Всяческие словеса в защиту собственного «эго» только увеличат мою вину в Ваших глазах. Я всё-таки слабый человек. Наверное. Я не сумел стать выше некоторых внешних обстоятельств и поддался не зову чувства, но долга. Я принимаю Ваш упрёк, что я не умею жить для себя. Так уж я устроен. Эти противоречия раздирают меня и поныне.

Не могу определить точно, когда это началось. Что именно? Угасание тяги к Вам, за которым следует, как известно, немота чувств. Обычно это называют Нелюбовью. Но была ли Любовь? Этот вопрос терзает меня неустанно. Признаюсь, ответить чётко и внятно даже самому себе не удаётся. Случаются моменты, когда абсолютно уверен – я люблю! И меня любят! Но после определённого периода эйфории с отчаянием понимаю – ошибаюсь! При одном упоминании Вашего имени впадаю в непонятные самому себе раздражительность и нервозность. Так что же это такое? Очевидна сакраментальность вопроса, но ответа нет. И будет ли? Конечно, лучше Пушкина об угаснувшей любви не скажешь. Помните? – «Я вас любил. Любовь ещё, быть может, В моей душе угасла не совсем...».

Можно было не писать это послание, а ограничиться цитированием строк русского гения. Однако поэт говорит о высокой любви с покоряющей

силой чувства. Наши отношения, увы! – весьма приземлены. Поэтому нацелен говорить с Вами суровым языком прозы. Но это не умаляет ни моих чувств, ни моих страданий, ни моих сомнений.

Мудрецы Востока правы – каждый ищет свою Любовь. Ибо только она придаёт смысл пребывания на этой земле, и, возможно, бессмертье душе там, в заоблачной выси (пишу по-старому итилю через «з», ибо приставка «бес» преобразуется в потустороннюю сущность). И я любил! И не однажды. Но каждый раз, когда я выныривал из этого сладостного омута, меня охватывала тоска – ещё раз принял очередное увлечение за Любовь. «Господи! – восклицал я мысленно. – Да есть ли Она вообще, толкающая на безумства и великие поступки?». И продолжал, после вспышки умопомрачения, верить и надеяться – посетит и меня это высшее чувство. Только вот почему-то не посещало, даже мимо не проходило. Возможно, я обделён этим великим человеческим даром? Или Всевышний специально испытывает меня, высекая в сердце моём искру при виде падающих и погрязших в пороках? Может быть, это не любовь, а жалость? По сути своей, которая унижительна. Так, по крайней мере, считал М.Горький. И я вслед за ним. Тогда почему я бываю таким взволнованным и уязвлённым? Не ведаю. Скорее всего, я отношусь к типу людей не способных на большие чувства и роковые страсти. Ведь есть индивиды, обделённые музыкальным слухом, неспособностью воспринимать краски (дальтоники) и другие потерянные в этом мире личности. Есть и во мне возвышенные чувства, и подвержен я самым тонким эмоциям, как мне кажется. Отчего же со мной такое происходит? За тяжкие грехи моих предков или за собственные, но в прошлой жизни? Нет мне ответа. Но я продолжал верить – снизойдёт и на меня благодать одного из сладчайших безумий. Когда-нибудь, пусть и в конце моего жизненного пути.

Судьба мне подарила Вас, сударыня. Я воспрянул душой и оттаял сердцем. Боже! Как вспыхнули все чувства во мне, как помолодело тело, как зазвенела звуками земля, как мощно заработало мое воображение!

А началось, Вы помните, всё играючи, как-то приземлёно, даже в некоторой степени непристойно. Но ведь любящие могут изменить многое и, прежде всего, себя. Однако сие нам не удалось. Связь, начавшаяся с адюльтера, лёгкого сексуального приключения – достойна ли, называться Любовью? Не знаю. Может быть. И разве дело только во взаимном притяжении полов? С могучего посыла природного инстинкта? А почему бы и нет, размышлял я. Ведь инстинкт мудрее всех вместе взятых умственных построений и виртуозных научных концепций в области человеческой психики. Мы вошли в чувства, имея за плечами десяток разочарований, горький опыт раздавленной свежести восприятия мира. Извините за столь напыщенный слог. Прорывается иногда. Мы многое повидали на своём веку. И были бережны в начале пути к хрупкому стебельку любви, памятуя о превратностях этого зыбкого мира. Но уберёг ли знаний щит? Стал заслоном ли для нашего роста опыт прошлых лет? Увы!

Случайные размолвки, вскользь брошенные мной иной раз резковатые, с потугами на юмор, фразы, не всегда оправданная реакция на них с Вашей стороны и затем не совсем мотивированные поступки с моей стороны, надломили ещё неокрепший стебелёк. Всё рухнуло в одночасье. Затем три года параллельной жизни. Мы существовали врозь и ни разу в этот период

линии наших судеб не пересеклись. Три года тщетных ожиданий ничего не дали мне. Да, что-то я делал, работал, обустроивал быт, но жил механически, отстранённо. Всё-таки три года – большой срок, если брать в расчёт мои годы. Вы же были в плену нового увлечения и даже были счастливы. Но всё проходит, однако, не бесследно.

Вы вновь обманулись. Вас преследуют измены одна за другой: то с Вашей стороны, то со стороны избранников. Такие потрясения очень опустошают душу, выжигая в ней всё лучшее. Человек становится похожим на пустотелое изваяние: внешне ещё привлекателен, но внутри угнетающая пустота; и часто эхо, возникающее внутри такого индивидуума, окружающие воспринимают за единство чувств и мыслей, за подлинные отзвуки чуткой души.

Вот такой случай подстерёг и нас: мы неожиданно встретились вновь. Опять вышла как бы невзначай новая вспышка чувств. По крайней мере, с моей стороны. Мы вновь оказались вместе, будто и не расставались. Сближение на этот раз было стремительным и с некоторыми признаками лёгкого помешательства. Я понимаю, как Вам не хватало сердечного тепла. Когда телесного с избытком, а духовного мало, неотвратимо человека охватывает смертельная тоска. Вы были похожи на путника, присевшего у чужого костра. И потому я не жалел душевного жара, чтобы хватило на двоих. Бывает, и погасшие угли вспыхивают вновь. Нам постепенно становилось теплее вдвоём. Меня это радовало и даже в иные моменты восхищало.

Я гордился собой. Как показало время, совершенно напрасно. За время первой нашей разлуки Вы накопили столько душевного холода, что его с избытком хватило бы на полгорода. Я совершенно упустил из виду, что иней, снежинки рано или поздно спрессуются в лёд. И чем больше я прилагал усилий растопить его, тем большим холодом веяло от Вас. Так, случайный зевака, оказавшийся на берегу реки во время ледохода, несмотря на солнце, ёжится и сжимается от пронизывающего ветра. Я чувствовал, что мне не хватает тепла, душевного жара, и справиться в одиночку мне было сложно, а Вы не помогли мне. Это не могло не сказаться на дальнейших наших отношениях.

Понимаю, прежде всего, мне не хватило огня, едва тлеющего в моей душе. Но я ещё оказался и плохим костровым, не сумевшим разжечь огонь в Вашей душе. А Вам, как оказалось, и не требовалось огня. Вы постепенно, но неотвратимо превращались в Снежную королеву, а ей, как известно, тепла не требуется. Как поздно я это понял! Вы испугались боли, которую несёт с собой оттаивание. Если от аллегорий перейти на прямой язык, Вы избегали всеми силами истинных чувств, которые способна воспламенить настоящая Любовь. Возникло крохотное недоверие меж нами. Я был слеп, впрочем, как всякий влюблённый, и легкомысленно отмахивался от этих ощущений. А Вы, видя мою беспомощность, всё чаще стали впадать в уныние и нервозность. Доходило до откровенного цинизма. Вы подвергали осмеянию любовные признания, слетавшие с моих уст в момент близости с Вами. Это очень унижает, поверьте мне, и злит. И всё же, с каждой новой встречей Вам становилось интересней со мной. Часы свиданий делали нас почти безумными. И я, раб собственных чувств, полагал, что наступил момент физической и духовной гармонии.

В минуты остывания мы оба догадывались, что лёд и пламень несовместимы. Вечная трагедия Любви. Я всё чаще стал замечать Ваши уже плохо маскируемые эгоизм и мстительность. Только зачем и кому? Жажда мести разрушающе действует на душу. Разве Вы об этом не догадывались? Не знаю, скорее нет. Обретённые Вами эти пагубные свойства характера всё чаще и чаще раздирали Вас. Пробиваясь сквозь грим влюблённости или увлечения, считайте как хотите, уродовали и без того не идеальную Вашу личность. Предполагаю, Вы заигрались. Да, любовь – игра, утверждают поэты. Только в ней, к сожалению, нет победителей. Проигрывают оба. И тем более, если кто-то из них живёт не подлинными чувствами. Но Вы продолжали вести свою роль до конца. Лицедейство всё больше захватывало Вас. Что ж, профессия обязывает. Только Вы сцену стали путать с реальной жизнью. Но Вы не из тех, кто может остановиться, оглянуться и задуматься. Ведь наша связь сулила так много телесных удовольствий. Одно обстоятельство в этой нелепой театральной постановке огорчало Вас – не хватало размаха и полной остроты ощущений. Не постельных, нет, а светских. Развлечений Вам нужно было, развлечений! Размаха купеческого! Гулять, так гулять! Ах, как Вы могли бы развернуться! Впрочем, это желание иной раз возникает у каждой женщины. Ничего предосудительного в сих стремлениях я не видел. Особо в Вашем случае. Столько претендентов на Ваше роскошное тело и столько соблазнов, даже таких, как посещение убогих баров. Любимая одним, но желанная многими, свободная в выборе, но не свободна в любви или привязанности к несвободному человеку, или снова ошибаюсь? Такая яркая женщина вынуждена страдать, вместо того, чтобы свободно и легко блистать в обществе и делать милые глупости. При этом ещё иметь в спутниках примечательного мужчину, что ещё надо?!

Знаю, я был бы для Вас весьма привлекательным фоном, на котором Вы смотрелись бы ещё выразительней и ярче. Ничего уничижительного для себя я здесь не вижу. Мужчина действительно должен быть фоном для прелестной дамы. И это утверждение тем более верно, если он настоящий джентльмен.

Прекрасно понимая Вашу неудовлетворенность сложившейся ситуацией и Вашу неизбывную жажду к удовольствиям, реализовать Ваши желания в силу своей несвободы я не мог. Так образуются в отношениях двух людей трещинки, со временем расширяющиеся до размеров оврага. Вы – человек нетерпеливый. Вам надо всё сразу и немедленно... Как нелепо Всевышний соединяет судьбы! От того они и складываются трагично. Особенно тягостно, когда понимаешь, что впереди тебя ждёт только мрак небытия, всё лучшее уже позади. Наши годы тают стремительно, как снег во время краткой южной зимы. Иной раз я замечал в Ваших скупых мимолётных откровениях нотки ужаса перед грядущим старением. Неизбежным, к сожалению.

Стареющая красавица! – что может быть печальней?! Время Вас не просто страшит, а ввергает в отчаяние. Теперь я понимаю, что отчасти в этом повинен был и я. Отсюда в Вашей душе, раздираемой страстями, так много неутолённой жажды не просто брать, а хватать, почти вслепую, всё то, что может доставить удовольствие, а значит, по Вашему разумению, продлевает молодость. Вы тиранили меня своими выходками и вызывали ревность, небезосновательную, рвали моё сердце в клочья. В одну

из размолвок, когда я Вас почти возненавидел, посвятил Вам и себе несколько строк:

*«Как презрительно щурятся веки, как надменно очерчен сей рот...
Чувств былых обмелевшие реки не удержат любви нашей плот.*

*Всё случилось так горько и пошло, да и сплетен гора, что невмочь, как
тоскливо над собственным прошлым в ступе воду толочь и толочь.*

*Средь житейского сального трёпа и предательств таких, что не жить,
поднимусь ли я вновь для полёта, удержусь ли себя не сгубить?!»*

*Я нынче редко прибегаю к стихотворчеству. Считайте это данью
прошедшей молодости. Мнение окружающих давно меня не волнует. Это
я к тому, если эти строки Вы невзначай покажете или прочтёте кому-
то постороннему, уверен, с некоторой гордостью или с насмешкой, ибо
посвящены, прежде всего, Вам, меня это не затронет. Я мучаюсь другим
вопросом. Свидетельствует ли моё стихотворение о том, что Вы по-
прежнему дороги мне? Не уверен. Скорее, нет. Но порой ловлю себя на
отзвуках высоких к Вам чувств. Чем они вызваны? Здесь я в замешательстве.
Возможно, Вы были мне родственной душой? А может быть, дело в
сексуальной совместимости и тех удовольствиях, что дарила близость с
Вами? Но ведь такая близость и гармония тел у Вас случалась со многими.
Вы не раз мне в этом признавались. Догадываюсь, чтобы досадить мне. Хотя
Вы были искренни и спокойны при этом. Однако удавалось Вам меня задеть
именно своим равнодушием к бывшему. И всё же утешением для меня служило
то, что я отличался от многочисленных «трусеников секса» некоторой
возвышенностью чувств. Своим нескромным замечанием я рискую навлечь
на себя с Вашей стороны новую волну насмешек и язвительных замечаний.
Что ж, я готов и к этому. И, тем не менее, – я другой. С этим упрямым
утверждением даже Вам придётся мириться. О чём это я? Да всё о том
же. Именно о том, что так привлекало Вас ко мне. Я – стойкий оловянный
солдатик. Никакие земные соблазны не смогли бы в тот момент отвести
меня от Вас. Знаю, знаю... Можно соблазнить любого мужчину, но только
не того, у которого есть любимая женщина. Это обстоятельство тешило
Ваше женское самолюбие. И я даже гордился тем, что сумел это чувство
пробудить в Вас. Ну, почему так нелепо всё кончается?*

*Утверждаю, всё было бы у нас замечательно, будь я чуть безрассудней,
пусть и несвободным, но более имущим человеком, что даёт тоже некоторую
свободу в действиях. И эта одна из существенных закавык в наших
осложнениях. А как можно было бы жить! Увы! Я есть такой, какой есть.
На будущее даю Вам пару советов, хотя делать этого не люблю. И всё
же: никогда не упрекайте мужчину за недостаток средств. Понимаю, в наш
беспринципный век наличие тугого кошелька определяет значимость человека
в обществе. Заверяю Вас – чепуха! Я видел людей, обремененных солидным
капиталом, умирающих от тоски, от лживой любви и от бессмысленности
своего существования. Они достигли своей цели – богатства, но так и не
обрели личного счастья. А это высокое благо, не купишь ни за какие деньги.
В любые времена, даже более тяжкие и мрачные, чем нынешние, честь
и достоинство, истинные чувства, не продажность – всегда оставались
неразменным золотым запасом настоящего мужчины. А капитал? Что ж,
очень существенное дополнение. Но – «...не каждому дано яблоком, падать к
чужим ногам».*

Вижу, каким старомодным, смешным и неисправимым романтиком я кажусь Вам. Считайте меня кем угодно, я не судья Вам. И ещё. Не унижайте своего партнёра презрением за невозможность избавиться от своей несвободы. Всё это порой так переплетается в одном сердце, что невозможно распутать и разложить всё по полочкам, чтобы прийти к ясности. Не выходит. А Вы сразу берётесь за упрёки... Никогда не делайте этого. Никогда. Право дело, среди будущих Ваших избранников вдруг окажется действительно достойный человек. А Вы, не разобравшись, возьмётесь за старое. Ведь дурные привычки – плохие спутники в столь тонком деле. Какие бы чувства не бурлили в Вас, даже в момент тяжчайшей ссоры, не унижайте своего избранника обвинениями в нерешительности, и, паче чаяния, в трусости. Прошу Вас, во имя Вас самой. В противном случае Вас ожидает ледяное одиночество. Не каждому достанет терпения сносить «выбросы» Вашего характера. Порхать по цветам жизни Вам осталось не так уж долго. Простите мне невольную жестокость. Но истина превыше всего. В каждой истории есть свои начало и конец. Как правило, любовный финал несёт в себе горечь утраты. А ещё меня донимает одна опустошающая сердце мысль: началось всё пошло и закончилось пошлейшим образом. Ничего с этим не поделаешь. Это расплата за двойственность и нерешительность поступков. Ещё до Монтеня, точнее до прочтения его «Опытов», я утвердился в одном: ясные и точные определения о любви приходят потом, когда останется от чувств один пепел. Во время этого сомнамбулического состояния человек не способен хоть как-то осмысленно выразить свои мысли и чувства. Отсюда я понимаю, как виноват перед Вами. Но верно и то, что подлинное чувство всегда косноязычно и немногословно.

Я благодарен Вам за пережитое. Храни Вас Бог! Вы дали мне возможность, пусть и малую толику времени, жить в полную грудь. Да, печального много в нашей истории. Однако я остаюсь таким же неисправимым мечтателем и жизнелюбом, каким был до Вас. Я знаю – всё проходит. Пройдёт и моя боль. Останутся лишь рубцы на сердце, но и они со временем затянутся. Настанет черёд покоя, душа утомонится. Нынче я учусь жить без Вас. Пока выходит плохо. Очень плохо. Однако надеюсь, я достойно встречу и это испытание. Ибо моё имя с древнегреческого переводится как «терпеливый». Прощайте. Пусть небо ниспошлёт Вам удачу во всём. Бывший Ваш».

Анатолий Сергеевич ещё несколько мгновений тупо смотрел на последний лист письма. «Бывший Ваш», – стучало в висках. Что-то смутно знакомое, едва узнаваемое, но ускользающее, никак не ухватываемое памятью, чудилось ему в начертании машинописного шрифта, в использовании архаичного стиля и некоторых фразеологических оборотах и даже в употреблении отдельных слов. И вместе с тем ему интуитивно показалось, что написано письмо не конкретному адресату, а вымышленному персонажу. Да-да, черт возьми! – вымышленному... Почему? Не хватало достоверных деталей реального лица. Может, это уловка? Так сказать, художественный приём? Однако психологический портрет выписан весьма реально. И всё же слишком пахло от него беллетристикой. Письмо было напечатано на пишущей машинке, судя по шрифту, скорее всего, портативной. Он вспомнил, что уже видел где-то эту старенькую «Москву». Выдавала и несвежесть бумаги. Вероятно, этим листкам насчитывалось не менее десятка лет. Значит, из той давней, безмятежной жизни? Вряд ли. Должно быть, писалось сие послание в середине восьмидесятых. На полях, куда попадал дневной свет, появилась

желтизна. Во времена оные не у каждого в городе имелась такая роскошь, как портативная машинка.

Сами собой нахлынули воспоминания: какие-то фрагментарные, осколочные, но все же навеявшие грусть по своей давней профессии журналиста-газетчика. Анатолий Сергеевич бережно отложил последний лист письма и машинально потянулся к чашке. Чай давно остыл, но он не замечал этого, прихлёбывал, будто обжигало губы. Сколько же лет минуло с той поры, когда он работал газетчиком? Лет десять, наверное. Анатолий Сергеевич ощущал этот промежуток времени, как целый век. Столько всего произошло за это короткое для космоса время! Самое страшное – рухнула страна, которая всем живущим в ней казалась незыблемой во веки веков... Разладилась жизнь во всех её проявлениях... Стоп. Хватит этих горьких воспоминаний. Так и до сердечных недугов недалеко. Анатолий Сергеевич болезненно поморщился, но отогнать скорбные мысли ему не удавалось. Он встал и принялся суетливо прибираться. «Надо отвлечься, надо чем-то занять себя. Прочь ностальгия и всяческая хандра», – мысленно стал приказывать себе Анатолий Сергеевич.

Аккуратно сложив листки письма, он поспешил на кухню. Перемыл посуду, включил газовую плиту и поставил чайник. Он только сейчас уловил, что пил какую-то холодную жидкость. Решил снова наладить себе чаепитие.

Присел на стул и стал бездумно глядеть на голубой огонь газовой плиты. Потом решительно поднялся и пошёл в ванную. Внимательно оглядев себя в зеркало, причесал кое-где прибитую сединой, но всё ещё крепкую, шевелюру. Привычно потер лоб с едва заметной вмятиной у самого начала причёски, и седеющие виски. Опять внимательно всмотрелся в своё отражение, заметил, в который раз, свежесть лица, хмыкнул и пошёл в комнату, где у кровати тумбочки лежали принесённые им библиотечные советских времён журналы. Надо бы полистать, пока вскипит чайник. Только он взял в руки один из журналов, «затилинжал» негромко дверной звонок. Анатолий Сергеевич вздрогнул и удивленно обернулся к прихожей. Звонили настойчиво. Страхнув оцепенение, он никого не ждал в эту пору, направился к входной двери. Гости в этом доме случались крайне редко. Вдохнул и покорно открыл дверь незваному визитёру.

– Вы?! – удивлённо вырвалось у Анатолия Сергеевича.

В проёме входной двери стояла Женечка. В короткой тёплой курточке, в темно-синих тесных джинсах, в руке она держала пакет, на плече висела женская сумочка. Волна медных, мелко завитых волос, роскошно покоилась на плечах. Вся она была восхитительна и дерзко красива. Анатолий Сергеевич окончательно сконфузился и застеснялся совсем по-мальчишески своего затрапезного вида.

– Мы? – в свою очередь удивилась Женечка. – Вы что имеете в виду, Сергеич? А-а! Бутылку вина? Тогда – мы. А как вы догадались?

Анатолий Сергеевич вконец растерялся.

– Я имел в виду вас лично...

– Фи, что за глупости. Это когда же вы стали так церемонно со мной обращаться? И вообще, мы долго будем на пороге торчать? Приглашайте даму к себе в апартаменты. И не умничайте, – Женечка была уверена, что Анатолий Сергеевич её разыгрывает. Ей и в голову не приходило, что стоящий перед ней зрелый мужчина может стесняться, теряться и бог весть как ещё вести себя.

Анатолий Сергеевич отступил на шаг и жестом пригласил Женечку войти. Женечка легко впорхнула в прихожую и тут же стала разоблачаться.

– У вас найдутся домашние туфли для дамы, любезный вы наш?

– Одну минуточку, – Анатолий Сергеевич нырнул под одежды, висящие на вешалке, и стал шариться в поисках шлёпанцев, оставшихся ещё от жены.

– Вот, примеряй.

- Это вашей бывшей жены?
- Почему «бывшей»?
- Вы же сами... А впрочем, мне всё равно.

Женечка скинула свои модные полусапожки, не глядя, всунула свои изящные маленькие ступни в шлёпанцы, подхватила свой пластиковый пакет и направилась в комнату. На кухне издал сигнал чайник. Анатолий Сергеевич кинулся на звук. Женечка бегло оглядела комнату: «Ничего себе живут наши клерки!», – выразила вслух одобрение убранству квартиры гостя. Огляделась ещё раз, обнаружила журнальный столик и подкатила его к дивану (столик оказался на колесиках). Достала бутылку вина, свёртки с едой.

- Сергеич тащите тарелки и бокалы!
- Одну минуточку, я чай завариваю.
- Да погодите вы с чаем! Мы будем пить вино!
- Ладно, вино так вино, – отозвался из кухни Анатолий Сергеевич.
- Прихватите и штопор, кажется, бутылка с пробкой.
- Сей секунд!

Через минуту хозяин вошёл в комнату, прижимая к груди одной рукой тарелки и бокалы, в другой нёс блюдо с нарезанной колбасой. Женечка ловко подхватила посуду, быстро разложила по тарелкам и свою принесённую снедь – сыр, маслины, ветчину. Анатолий Сергеевич взялся откупоривать бутылку. С усилием вытащив пробку, он внимательно стал рассматривать этикетку.

– Ну-ну, сейчас попробуем, что это за сорт. Такого мне ещё не приходилось вкушать. «Роуа трандафирулуй» – прочел он. – На румынском или молдавском?

– Скорее на молдавском, да и какое это имеет значение? Перевод один – «Роса розы», – объяснила Женечка. – Я люблю полусладкие вина, если вы помните, – Женечка взяла налитый до половины бокал. – А какой аромат! Обалдеть!

– Ух, ты! Красиво звучит – «Роса розы!». Однако пишут уже на латинице, черти! Честно говоря, я не ценитель вин, мне больше коньяк по вкусу, – отозвался Анатолий Сергеевич. – Так за что пить будем? – Анатолий Сергеевич вопросительно вскинул бровь. Ловко это у него получилось, совсем как у актера Глебова в роли Григория Мелехова. Это очень умилило Женечку. Она взяла обеими руками бокал и хитро прищурила свои зеленые глазки. Ну, вылитая Лиса Патрикеевна. Анатолий Сергеевич ухмыльнулся. Однако бровь не опустил и всё также вопросительно глядел на Женечку.

- А то вы не знаете?
- Представь себе.
- Что с вами? Реакцию теряете...
- Женечка, ей-богу не пойму... Так за что же?
- Мужики, прям, как дети. Хорошо, давайте выпьем за нас с вами. Устраивает?
- Это можно, конечно, но всё же... Я-то здесь причем? Неужели я кажусь тебе достойным внимания? Странно...

- Сергеич, а что тут такого? Вы что уже в монахи подались?
- Какой уж из меня монах, – махнул свободной рукой Анатолий Сергеевич.
- Так мы с вами никогда не выпьем. Не нудите, короче – за нас. Всё! Пьём!

Они слегка соприкоснулись бокалами и выпили. Женечка до конца, единым духом. Анатолий Сергеевич с короткими перерывами. Женечка на него косила глазом и жестом подбадривала. Пришлось ему глотать эту приторную сладкую жидкость до конца.

- Не понравилось?
- Да нет, вроде, ничего, – пряча глаза, промямлил Анатолий Сергеевич. Ему не хотелось огорчать свою гостью. Торопливо схватил ломтик колбасы.

– Ладно, уж, – махнула рукой Женечка. – Закусывайте и давайте ещё нальём по чуть-чуть, а потом... – она не договорила и стала разливать вино.

Анатолий Сергеевич наблюдал за действиями Женечки и у него начало радостно и вместе с тем тревожно сжиматься сердце: «Неужели она останется у меня? Чушь, какая. У неё есть муж, правда, он сейчас где-то на заработках. Значит, наверняка есть заместитель значительно моложе меня... Дурь какая в голову лезет. Какой ещё заместитель? Нельзя так плохо думать о молодой женщине. Коммуналкой пахнет от вас, уважаемый...»

– Вы закусывайте, закусывайте. Мужчина должен быть сытым, – наблюдая, как аккуратно и стеснительно откусывает от бутерброда её визави.

– Же, ты меня удивляешь. Я просто теряюсь в догадках, – Анатолий Сергеевич ощутил, как хмель слегка ударил в голову, он обнаружил вдруг в себе некоторую решимость. – Давай-ка, рыжая ты моя, пойдём, перекурим на кухню, и ты мне выложишь начистоту, что ты задумала? И чем я обязан твоему визиту? – Анатолий Сергеевич торопливо обтер губы бумажной салфеткой, сложил её вчетверо и спрятал, как ему показалось, незаметно под хлебницу. Женя усмехнулась.

– Идёмте, подымим, – они прошли на кухню и встали у открытой форточки.

– Вы правы, Сергеич, я пришла по делу, – она щёлкнула зажигалкой.

Анатолий Сергеевич тайком облёгченно выдохнул, но с легким всё же разочарованием: «Слава Богу!»

– Письмо помните? Представьте себе, оно меня мучает. Я, прям, не могу места себе найти. Чувствую здесь какую-то страшную любовную тайну.

– Что ещё за тайны? Тебе, Же, показалось.

– Опять вы за своё?

– Извини. Но, в самом деле, почему ты решила, что здесь кроется страшная тайна, да ещё любовная? Впрочем, любовная – это ясно. Но тайна ли это? Самое главное – письмо-то не было отправлено адресату. Что же тебя так переполошило?

– Неужели вы не понимаете?

– Да что тут понимать. Написал какой-то разочарованный влюбленный даме письмо, да не решился отправить и что с того?

Конечно, он лукавил, его-то самого зацепило это странное послание женщине, но с другого боку. Анатолий Сергеевич почему-то был уверен, что это всего-навсего розыгрыш. Никакой конкретной дамы не существовало, в этом он был уверен. Ребята в редакции, наверное, прикалывались. Архивист почему-то твёрдо решил – письмо было коллективное. В те времена в редакциях газет, особенно городских или районных, любили подобные «разводки». Но кто же был инициатором... Может, он сам?

– А то! Если бы мне написали такое письмо, и оно дошло до меня, я бы раскаялась, на коленях просила бы прощения. Не простил бы – ушла бы в монастырь, прыгнула с моста или на худой конец, повесилась. – Женечка слегка покраснела, сильно затаила и выдохнула струю табачного дыма. Вино начало действовать.

– Воистину страсти роковые! Каким-то дальним веком пахнет. Бедная ты моя! Страстей возжелала?

– Глупости! Никакая я не бедная. Я – женщина, я хочу... А впрочем вам, Сергеич, ни к чему. Как всё вокруг пошло и скучно! Кругом политика, политика, а нет человека... Наверное, вы правы – страстей хочется, безумства, любви, отчаянных поступков...

Анатолий Сергеевич чуть не поперхнулся очередной затяжкой. Опасные темы начинаются, пожалуй, надо уходить на нейтральную полосу. Ему очень нравилась Женечка, но в городе такие связи не утаишь. Тут каждый всё про всех знает. Да и перегорел Анатолий Сергеевич от напрягов жизненных, точнее, от тупой размеренности существования последних лет. Не до адюльтеров, тем паче до высокой любви.

До недавнего времени, правда, у него была дама... Познакомились с ней в какой-то юридической конторе. Она выправляла разрешительные документы на доставку и вывоз различных материалов (больше, конечно, строительных) и товаров на территорию молодой республики. Анатолий Сергеевич работал в ту пору в строительно-снабженческой фирме экспедитором. Частенько заезжал к ней в самый крайний час, когда срочно требовалось разрешение на ввоз грузов, простаивали машины. Ольга Николаевна (так она представилась экспедитору) в первую их встречу отчитала его как мальчишку за нарушение сроков, но разрешение все же выдала. Анатолий Сергеевич проявил истинную галантность, поклялся исправиться, и на прощание поцеловал даме руку, порывом этим, растопив официальную холодность чиновницы. На прощанье выдал строчку из популярной песенки – «Ах, какая женщина! Мне б такую...» Она удивленно вскинула брови, но всё же улыбнулась... А затем он стал привозить то плитку шоколада, то коробку конфет, а иной раз и шампанское. Тогда серьёзных взяток ещё не полагалось. Как всегда в последний момент директор строительной фирмы вспоминал о разрешительных документах. Отдувался, ясное дело, Анатолий Сергеевич. Так близко и познакомились. Завязался вяло текущий роман. Она к тому времени была то ли разведена, то ли вдова, Анатолий Сергеевич не уточнял. Сама Ольга Николаевна не рассказывала. Друг от друга они почти ничего не требовали, чувства их окрашивались обоюдной симпатией, что в немалой степени облегчало им проводить довольно сносно интимные встречи. Она была на несколько лет моложе Анатолия Сергеевича, но его не оставляло ощущение, что все же она старше, ибо почти во всём была опытнее. Жена к тому времени уехала на заработки сначала в Россию, а потом и в дальнее зарубежье перебралась. Интимных связей до этого случая, оставленный на малой родине муж, ни с кем не имел.

Он никогда не приводил даму к себе, а она не приглашала в свой дом. Встречались они на квартире каких-то дальних её родственников, уехавших в Москву. Ольга Николаевна присматривала за их жилплощадью. Обоих устраивала нейтральная явка. К моменту их встречи Ольга уже вошла в пору расцвета женской не броской красоты, к тому же оказалась мудрой, аккуратной, болезненно чистоплотной, но не притязательной в отношениях. Анатолию Сергеевичу она становилась всё ближе и ближе.

Любовью их отношения нельзя было назвать, но глубокой привязанностью – пожалуй. Связь их продолжалась недолго, где-то чуть больше года. Затем Анатолий Сергеевич заболел, с перерывами лечился, были осложнения. Навестил свою подругу вскоре после выписки из больницы и понял, что всё уже кончено. Былой близости не осталось, а налаживать снова старые связи ему уже было не под силу, да и желания. На этом всё и угасло.

Всё чаще в последнее время одолевало Анатолия Сергеевича стремление к покою. Но иногда желалось ему встретить незнакомку, вот так, с первого взгляда в неё влюбиться, и чтобы она в него тоже, а всё остальное послать к чёрту! Однако такого с ним наяву почему-то не случилось. Да по-другому и не могло быть. Под лежащий камень вода не течёт. Ну, и ладно, успокаивал в такие минуты сам себя: в одиночестве есть своя прелесть, и Бог, видно, справедливо распределяет роли каждому. Отношения с женой остыли настолько, что он её уже воспринимал как старую знакомую, не больше. Долгие разлуки сделали своё дело. Единственно с чем был согласен Анатолий Сергеевич с автором письма – это в его сомнениях насчёт любви. Есть ли она? Всё осталось в прошлом, и мучиться таким серьёзным вопросом ему давно наскучило. Какая разница – есть ли, нет ли? Скорее проблемы для молодых, а не для человека зрелого возраста... В бой за его душу решительно вступало возрастное благоразумие. И вот как раз это обстоятельство его отчего-то огорчало больше всего. Неужели уже старость? – дамокловым мечом нависал вопрос.

- Сергеич, о чём задумались? – вывел его из оцепенения вопрос Женечки.
- Да так, ни о чём конкретно.
- Я заметила – откровенность не ваш «конёк»...

– Мне кажется, «Ваше величество женщина, Вы перепутали улицу, город и век», – процитировал строки своего любимого барда Анатолий Сергеевич. – Я не тот объект, с кем можно обсуждать любовные разочарования какого-то имярека. Пройдёмте к нашему столу, – они загажили окурки в пепельнице и прошли в комнату.

– Знаешь, мне гораздо интересней другое обстоятельство, а точнее загадка: кем и когда оно написано? – наливая в бокалы вино, заметил Анатолий Сергеевич. – Мне это нужно для работы, хотя на шедевр не тянет...

– Зачем вы притворяетесь циником? Прямо, тошно делается от ваших напрягов трудовых. А хотите знать, о чем я думаю? – Женя взяла в руки бокал.

– Любопытно.

– Только держитесь покрепче за кресло! – Анатолий Сергеевич в это время снова присел на своё место за столиком. – Что это вы писали кому-то в приснопамятном году. Вот!

Анатолий Сергеевич невольно рассмеялся. Ему вдруг стало весело и легко. Он мог ожидать чего угодно, но только не этого признания прелестной девочки. Правда, Женечке было далеко за тридцать, но, как говорят: маленькая собачка, а особенно такая ладненькая, до самой старости щенок.

– Же, ты просто фантазёрка. Это ж надо до такого додуматься, – он опять рассмеялся. Женечка тоже улыбнулась.

– А вы, оказывается, не такой мрачный, как напускаете на себя. Когда вы смеётесь, просто обаяшка! Почаще улыбайтесь. У вас очень красивая улыбка. Это я давно заметила. Потому я люблю вас смешить... И всё же за нас, – они соприкоснулись бокалами, раздался тонкий звон.

«Начинается, – с лёгким раздражением отметил про себя Анатолий Сергеевич. – Эдак и до постели докатимся... А вот этого как раз мне и не хватало. Муж этой рыжей бестии, кажется, тоже где-то на заработках, как и моя... Может, расслабиться и ну эти условности к черту! И что потом? Для меня Женя слишком молода. Но возникает ещё одна преграда, у неё есть не только далёкий муж, а и дочурка. Правда, насколько он был осведомлен, малолетняя дочь чаще всего проводит время с бабушкой. Так что есть все шансы закрутить. Сумеет ли он быть на высоте как мужчина? Вот где закавыка... Упаси Бог, опозорюсь».

Годов бы десять назад, такие мысли его бы не посещали даже. Напротив, он бы набросил на лицо маску меланхоличности, которую девы часто принимают за романтичность, завел бы юмористическую историю про трудное детство, нехватку витаминов и в целом неудавшуюся жизнь, про несчастную любовь, наддал бы, когда нужно экспрессии и сыграл бы тембром голоса, он бы... Чёрт, надо остановить это безумство. Анатолий Сергеевич с усилием пытался согнать со своего лица наплывшую весёлость, вызванную воздействием креплёного вина.

– Же, послушай, детка! Я – старый, сварливый и даже, по твоему замечанию, нудный мужик, – он отставил от себя недопитый бокал. – Забавы молодых меня уже не колышут. Да, я работаю и стараюсь делать всё хорошо. Пусть и не люблю свою нынешнюю специальность, но я привык напрягаться. Поручили тебе дело, изволь сделать его с максимальной отдачей сил и по возможности толково... Вот мой девиз! – получилось у него неожиданно выпренокно.

– Ладно, ладно, Сергеич, – Женя усмехнулась. – Чего это вы завелись? Знаем мы ваше усердие. Вы прекрасно понимаете, что я – о другом, – Женечка допила остатки вина и взялась разливать снова.

– У меня созрел тост... За любовь!

– Ну, ты посмотри на этого своенравного ребёнка! Я ей про Фому, она – про Ерёму. Хорошая моя, давай поговорим на отвлечённые темы.

– О политике что ли? И это с молодой дамой? Нет, вы решительно не в себе. Кто вам так насолил?

– Просто разонравилась мне эта тема. И давай вернёмся к нашему, извини, влюбленному барану. Мне, признаться, самому любопытно: кем всё же написано, будь оно не ладно,

это письмо? Попробую добраться до истины. Во-первых, надо вывести, так сказать, все белые пятна в истории нашего города относительно литераторов. Это, как ты помнишь, уже и моя прямая обязанность. Во-вторых, я рассею твои подозрения насчёт меня. Не писал ничего подобного и писать не буду. Это я тебе заявляю совершенно серьёзно.

– Да поняла я вас... Сергеич, хотите ещё одну тайну? – Женечка будто не услышала краткий монолог Анатолия Сергеевича.

– Пожалуй, для одного вечера будет многовато, – слегка разочарованный невнимательностью Женечки, обронил он.

– Как хотите. Мне кажется, что... Интуиция меня никогда не подводила. Хотя я ни в чём пока не уверена. Помните нашего Григория? Литератор, который уехал в Москву?

– И что?

– Ничего. Он же был влюблён в меня... Ладно, замнём для ясности. Давайте ещё накатим.

– Женечка, моя хорошая, может, хватит? А насчет Григория ты ошибаешься...

– Вы думаете, я уже пьяна? Будьте спокойны, мне одной бутылки не хватит. Испытано. А вот вы точно не в курсе насчет Григория Ивановича, он же мне сам ...

– Женя, Женечка, не говори ерунды! И не надо манкировать чужими тайнами... – Анатолий Сергеевич взглянул на стенные часы и с ужасом обнаружил, что стрелки движутся к полночи. «Как же она домой доберётся? Мост через реку уже перекрыт. Так, дела-а...», – холодея от мысли о ночлеге в его квартире этой капризной красавицы. «Ладно, разберёмся. Есть же вторая комната. Себе постелю на диване», – успокоил себя мысленно Анатолий Сергеевич.

– Женечка, поздно уже. Я тебе постелю в спальне...

«Вместо зачина»

Из рукописи

Прежде, чем начать раскручивать ленту своей жизни, стоит всё же сказать несколько предварительных слов. Мои записки с окраины бывшего Отечества лишены приключенческого серпантина и закрученных детективных сюжетов. Я решился написать про себя, своих знакомых и многочисленных друзей, мающихся на переломе эпох, по совету одного уважаемого человека. Зачем? Наверное, затем, чтобы восстановить свою память после тяжелейшей травмы. И ещё: не избежал, наверное, искушения оглядеть «мудрым оком» пройденный путь. Просто писать дневник скучно. Как пел Булат Окуджава: «...И из собственной судьбы я выдергивал по нитке». Но это не означает, что автора сих строк можно напрямую отождествлять с героями приведенных ниже капсул. Я не умею выдумывать, я умею дорисовывать набросанные жизнью эскизы.

Человек, по сути своей, одинок на этой планете. Я не о скучности людской, я о душе. Когда она обретает глаза, человек платит за её прозрение страшную цену – одиночеством. Но и награда велика, когда встретится тебе тоже зрячая душа. И веришься общению, которое несравнимо ни с какими телесными радостями. Тогда ты способен на многое. А главное – выстоять в самых невероятных жизненных ситуациях. Такую душу я ищу всю свою жизнь. Но пока...

И всё же я неизмеримо счастливее извозчика Ионы из чеховского рассказа «Тоска», рассказывающего о своем горе лошади. Потому что могу свои жизненные передраги доверить хотя бы бумаге.

«Тромбы»

Из рукописи

Хочу оговориться сразу. Я – не Баян и не тайный завистник неведомого автора «Слова». Склоняюсь к тому, что это были неоконченные записки самого князя Игоря, завершил которые, неведомый ближайший его сподвижник, возможно, дружинник. Иные доказывают, сию повесть нам поведал таинственный монах. Не могу утверждать. Оставим это на совести исследователей древних рукописей.

Меня больше тревожит вопрос – кто я есть такой? Не знаю. Знаки, посланные мне небесами, скорее всего, были, но я до конца не сумел их расшифровать. Иллюзий в отношении своей особы никаких не питаю. Я человек из масс. Душа моя пробита пулями междоусобной войны. И наступил тягчайший период немоты. Время не всегда бывает удачным целителем. Человеку надо хотя бы раз в жизни исповедоваться, чтобы разгрузить свое сердце. Загустевшая кровь памяти закупоривает мои вены. Тромбы пережитого всё плотнее перекрывают аорту. Трудно дышать, трудно жить. Не хватает воздуха. Аритмия моего земного бытия больше напоминает синусоиду пульса отходящего в мир иной. Где – правда? Где – ложь? Не знаю. Будто под мой компас чья-то злая рука подложила магнит. И я, как корабль, потерявший управление, рискую разбить башку о скалы бытия. Ведь таким неуправляемым парусникам ни один ветер не бывает попутным. На дворе время Великой Смуты. Мне до зарезу надо отыскать ту, единственную дорогу к самому себе. Всевышний! Если ты есть там, помоги, вразуми и направь!

«Предзимье. Глухая пора – ни листьев, ни снега. Только в холодной воде голые рыбы ходят». Эти строки написал талантливый поэт из Усть-Илимска Лев Аврясов (к сожалению, он ушел из жизни в самые трудные для страны годы и не успел издать ещё одну книжку). Мысленно я постоянно возвращаюсь к берегам Ангары, где провел, нет, прожил, в общей сложности десять лучших, как я понимаю теперь, лет моей жизни. Ведь там я был нужен людям, не многим, но все же. Так случилось, что судьба берегла меня от больших шумных городов с их дикой круговертью, с утомительной для души толкотней и непрочными связями. Однако это не означает, что и меня ни разу не кидало во чрево современных Вавилонов. Идет дождь. Он-то и выдернул из моей, почти закупоренной памяти, блестящий верлибр устьилимца. На календаре февраль первого постсоветского года. Удивительно точно подходят эти поэтические строчки и к нашему занемогшему южному климату. Ибо третий месяц зимы на юго-западе уже бывшей страны, очень похож на середину октября в Сибири. Та же не уютность и сиротливость в окружающей тебя природе, рождающая в душе безнадегу и обволакивающую тоску.

Окраина. Страшная опустошенность и растерянность существования на одном из «осколков» Великой страны. Брошенное дитя испытывает, наверное, такие же чувства: страх одиночества, непонимание происходящего перед новым враждебным миром. Хотя какая это окраина? Мы находимся в самом сердце Европы, если ориентироваться по географическим координатам. До сытого Запада рукой подать, но как далёк он – неведомый и таинственный мир. Он дальше, чем Уральский хребет и даже загадочной, воспетой поэтами, звезды Альтаир. Если быть честным, никогда не тянуло меня за «бугор», в смысле смены места жительства, как некоторых моих знакомых. Зато за граница сама припёрлась ко мне, нагло и неотвратимо, не спрашивая разрешения. Тогда, в том ещё не разрушенном мире, просто на турпоездку в заморские страны никогда не хватало средств и времени. Мне даже не удавалось на отечественные курорты съездить, что уж говорить о большем. Не получалось.

Хоть режьте меня на куски, но я не могу мозгами своими догнать простую истину: мы обитаем на шумном перекрёстке европейских дорог, в краю некогда славящимся очень высоким уровнем жизни, именуемым ныне Молдовой и Приднестровьем, а живем, будто на малообитаемом острове. Так что же случилось? Почему так легко совершилось расчленение Союза? Я не знаю ответа. Могу только предполагать: мы заложники большой мировой игры и жертвы бездарных руководителей страны. Разделенный по национальным признакам и пролитой кровью, мой народ непримиримо затаился. Уже позже, в прошествии небольшого отрезка времени, догадывался: из-за предательства вождей, допустивших или спровоцировавших смену идеоло-

гических констант. Началось беспощадное перемалывание духовных и нравственных идеалов. Сбитые ориентиры ввергли огромную массу людей в отчаяние и безысходность.

Всего в семидесяти пяти километрах к югу, за плоскими холмами, лежит вальяжная Одесса. Продутая морскими ветрами, пропахшая рыбой всех видов и пород из ближних и дальних морей и океанов, французскими духами, туалетной водой от подпольных производителей, пивом местных сортов, жвачками (тогда большая невидаль) «Стиморол» и «Дирол», густым перегаром неунывающих привозовских бичей, прелыми осенними листьями каштанов и платанов, кислым и въедливым запахом выхлопных газов автомобилей, утренней похмельной блевотиной ночных гуляк и пряным ароматом креветок, мочой из подворотен Молдаванки, – кажется, невероятно далекой. Одесса! – мать черноморских городов! Ты теперь на другой, как говорят ныне, сопредельной территории. Отечество мое раздергано на десятки лоскутов, съевшихся от призрачной свободы и от предчувствия тяжелой беды. И эта сосущая сердце тревога становится все более главенствующим чувством «свободного» гражданина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.